

Призрак тайги

Конфликт тигров и людей на Дальнем Востоке — следствие стремления к большим деньгам. Кто их получает?

Фото: Sascha Fonseca

06:55, 24 апреля 2024,

Иван Жилин

спецкор

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

ОТ РЕДАКЦИИ

Этот материал — продолжение репортажа о масштабном конфликте тигров и людей на Дальнем Востоке.

Хищники приходят в села, срывают с цепей собак, убивают скот, а когда сильно истощены — нападают и на людей. Но, несмотря на весь ужас происходящего, в этом конфликте есть те, кто на его фоне получает большие деньги и не намерен останавливаться. Сегодня говорим о них.

Промышленное освоение кедрово-широколиственных лесов на Дальнем Востоке началось в 1930-х годах, и сегодня — в этом лесоруб Сергей Близнец прав — тайга здесь находится в критическом состоянии.

В ноябре 2018 года биолог Ольга Ухваткина [опубликовала](#) статью, в которой на основании анализа космических снимков заявила, что 41% коренных лесов Приморского края был вырублен полностью, 40% — затронут рубками в той или иной степени, 15% — не представляли ценности для лесопромышленников из-за породного состава и всего 6% ценных лесов оставалось не нарушено. «Всего 6%, и остались они лишь на территории заповедников и национальных парков. Их можно встретить и на территории орехово-промысловых зон, там, где вырубка леса запрещена, но, как ни печально, только на бумаге. К сожалению, пускают под топор и эти территории. Как это произошло, кто это допустил, разбираться не нам», — писала биолог. Подобных данных для Хабаровского края нет, но ученые сходятся во мнении, что состояние уссурийской тайги

(кедрово-широколиственных лесов Дальнего Востока) в целом катастрофическое.

— Я бы сказал, что в каком-то смысле она при смерти, — говорит кандидат биологических наук и эксперт по лесному хозяйству Алексей Ярошенко. — Крупные массивы диких лесов на Дальнем Востоке сохранились преимущественно на особо охраняемых природных территориях: в заповедниках и национальных парках. На всех остальных участках экосистемы уже сильно изменены человеком. Мы живем в том периоде, когда уссурийская тайга остается только как музейная редкость.

Впрочем, лесопромышленникам нужно как-то поддерживать свой бизнес, и на особо охраняемые природные территории они тоже сегодня идут.

Часть I.

«Что растёт, то и пилим»

А кажется, что лес здесь есть.

Над дорогой, проложенной лесорубами прямо среди Бирского заказника, колышутся верхушки кедров и берез. Тишина идиллическая. Лишь птицы поют, и копошится, пытаюсь взобраться на холм, проснувшийся раньше времени барсук.

Вдруг метрах в трехстах начинает доноситься шум, и через минуту мимо проезжает МАЗ, груженный штабелями леса в четырнадцать рядов.

— Дуб везут, дуб, — вздыхает зоолог Сергей Колчин, который, рассказывая мне пару дней назад о Бирском заказнике, хватался за голову: заказник, созданный для охраны редких животных, и промышленные рубки — кто придумал это совместить?

Бирский — это 53 тыс. га на западных отрогах Сихотэ-Алиня. Помимо осин, елей и берез, здесь растут маньчжурский ясень, монгольский дуб, корейский кедр и маньчжурский орех. Эти деревья плодоносят и создают кормовую базу для изюбрей, кабанов, косуль и гималайских медведей. И потому заказник — одно из ключевых мест обитания тигров в России. Впрочем, кажется, таковым ему осталось быть недолго. Сегодня, по словам егерей, рубками затронута почти вся его территория — лесопромышленники работают уже на самых отдаленных горных участках. И лес, который можно видеть вокруг, — иллюзия.

Если присмотреться, поймешь, что многие деревья ценных пород уже вырублены, кроме,

разве что, кедра и маньчжурского ореха, которые рубить запрещено. Долго ли здесь будут обитать животные — вопрос открытый.

Да и есть ли они еще? За день мы не встретили ни одного следа копытных.

С Сергеем Колчиным мы идем в направлении лесопромышленных таборов. И километров через пятнадцать после таблички, обозначающей начало заказника, доходим до первого. Кран-манипулятор укладывает готовый к вывозу кругляк на грузовую машину. Оператор крана — мужчина в камуфляже — не обращает на меня никакого внимания. Его коллега, обедающий в будке, тоже отмахивается и отказывается говорить. Мы уже предполагаем, что они проинструктированы ни с кем не общаться, но на соседней делянке водитель большегруза оказывается более словоохотливым.

Зоолог Сергей Колчин в Бирском заказнике. Скриншот из видео Александры Сорочинской

— Уже через две недели заканчиваем работу, — рассказывает он, представляясь Михаилом и кивая в сторону штабелей с древесиной. — Скоро снег растает, здесь будет не проехать. На другие участки переберемся — тоже в заказник, но с другой стороны гор. А сюда зимой опять приедем — до 2027 года аренда.

На темно-зеленом вагончике, в котором живут рабочие, надпись «Баск-инфо». Компания — лесозаготовитель средней руки с годовым оборотом от 150 до 225 млн рублей и чистой прибылью 12–17 млн. В грубых нарушениях природоохранного законодательства не замечена, но это лишь из-за того, что вред природе на Дальнем Востоке узаконен. По словам рабочего, тигры лесорубов в Бирском заказнике не беспокоят.

— Тут же копытных нет. Вы хоть одно животное видели? — бесхитростно объясняет он. — А нет копытных — нет и тигров. Я только у реки немного следов видел. А больше нигде.

— **А куда животные делись? — спрашиваю я.**

— Не знаю. Ушли, наверное, куда-то в другой лес.

— **Хорошие дубы, здоровые, — бросает Сергей, показывая на штабеля.**

— Да ну, — отмахивается лесоруб. — Дровяные они, плохие. Здоровые, но перестоявшие уже. Если б их лет двадцать назад срубить... Тут у нас дуб, ясень, береза в основном: что растет на делянах, то и пилим. Сейчас даже хиленькие берем, смотри, — показывает на лежащий в кузове тонкий кругляк. — Ну ветки же, е-мое! В основном все, что сейчас забираем, на дрова пойдет, на доски совсем немного отобрать получится.

При этом он заверяет, что компания занимается

лесовосстановлением и высаживает кедр на месте рубок. Но ухаживает ли кто-то за посадками, Михаил не знает.

На деляне перед последним лагерем раскиданы порубочные остатки и некондиционная древесина. Сергей осматривает место рубок и вдруг заявляет:

— Сдается мне, что здесь вообще рубить нельзя. Чисто визуально это кедровник, а участки, на которых доля кедра составляет три единицы и более, запрещены к рубке.

Он говорит, что запрет обходят по коррупционным схемам: нечистые на руку лесничие с подачи промышленников переделывают планы лесоустройства — и по документам получается, что кедра на делянах почти нет.

Лесоруб Михаил. Скриншот из видео Александры Сорочинской

— А почему именно кедр так ценен, что его рубить нельзя? —

спрашиваю Сергея. Он объясняет, что кедровыми орехами питаются более 50 видов млекопитающих и птиц.

— Это хлебное дерево. На нем завязана вся экосистема кедрово-широколиственных лесов, от него зависят и хищники. Кедр дает пищу кабанам, гималайским медведям, другим животным, которыми питается тигр. Кедр и дуб — два дерева-кормильца. Дуб рубить можно, кедр — нельзя. Но и кедр гибнет, потому что техника, выбирая деревья вокруг него, повреждает ему корни и стволы, а если он остается один — его сваливает ветром. И то, что тигры сейчас идут в села, — это как раз сигнал, что в кедрово-широколиственных лесах происходит что-то неладное.

Посреди этого неладного мы и стоим. Это кажется, что вокруг есть лес. На деле — вокруг есть деревья. Причем те, которыми брезгуют даже лесорубы.

Только у части животных получается перебраться на пока еще не затронутые человеком участки, значительная часть погибает от голода. А хищник, чтобы выжить, идет к человеку.

Распил

Лесная промышленность считается одной из системообразующих для экономики Дальнего Востока. С этим трудно спорить: по [данным](#) правительства РФ, в ней задействовано 30 тыс. человек, или 0,71% [трудоспособного населения](#). В 2021 году участники отрасли [отчислили](#) в бюджеты разных уровней 14,5 млрд рублей. Правда, с 2022 года на фоне событий в Украине и [отказа](#) ряда азиатских государств (в особенности Японии и Южной Кореи) закупать российскую

древесину, объем отчислений упал. Рослесинфорг [сообщал](#), что за первое полугодие 2023 года в бюджетную систему страны от лесопромышленников Дальнего Востока поступило всего 5,8 млрд рублей. Однако даже экологи соглашаются, что совсем отказаться от рубок в регионе сейчас невозможно.

— Лесная промышленность — это все-таки изрядная доля экономики Дальнего Востока. Отказаться нужно не от нее, а от бесхозяйственного подхода к рубкам, — подчеркивает биолог Алексей Ярошенко.

Алексей Ярошенко. Скриншот из видео Александры Сорочинской

Один из приморских экологов, пожелавший сохранить анонимность, согласился рассказать «Новой», как устроено лесное хозяйство на Дальнем Востоке.

— В наших регионах не работают гиганты наподобие «Илима», вместо них сотни небольших и средних компаний. Причем — и это особенность региона — компании часто принадлежат азиатским владельцам: преимущественно китайским, но в Хабаровском крае, например, один из крупнейших арендаторов

— малайская «Римбунан Хиджау».

Собеседник «Новой» на примере Приморского края объясняет, что до 2019 года в лесном хозяйстве «царил полный хаос»:

— Что касается налогов. Арендатор лесного участка платит деньги в бюджет не за площадь, которую он арендовал, а за каждый кубометр добытой древесины. До 2019 года договоры аренды часто заключались без аукционов — судя по всему, за большие взятки. Или аукционы проводились, но были неконкурентными — победитель был заранее известен. Стоимость одного кубометра древесины по таким договорам нередко составляла смешные деньги, например, 20 рублей. Не 20 000 рублей, а просто 20 рублей. Иногда больше, но в среднем с одного кубометра древесины бюджет получал 100 рублей: то есть в крае за год вырубалось 4,5 млн кубометров древесины, а в казну уходило всего 450 млн рублей.

Экспертные оценки разнятся, но все сходятся во мнении, что на деле бюджетные поступления должны были быть куда больше — от 50 до 100 млрд рублей в год. Буквально: регион не получал и 1% от тех денег, которые мог бы получать.

С приходом в 2019 году в Приморье нового министра лесного хозяйства Константина Степанова, по словам нашего собеседника, у части компаний аренда была отозвана и передана другим игрокам. В целом это, подчеркивает он, привело к улучшению ситуации.

— Аукционы стали более честными. Средняя цена за кубометр стала составлять не 100, а 3000 или 4000 рублей. По некоторым

ценным породам доходила и до 6000. С 2019 года все-таки ситуация с пополнением бюджета начала выправляться — до 5,5 млрд рублей в год собирали с лесной отрасли только в Приморском крае. Что это значит, на мой взгляд? Что и раньше арендаторы платили вовсе не 100 рублей за кубометр древесины. Просто они эти деньги платили не в бюджет, а в карман конкретных чиновников. Каких — неизвестно: никто за эти сомнительные контракты ответственности не понес.

Лесорубы в Бирском заказнике. Скриншот из видео Александры Сорочинской

Однако после 2022 года ряд зарубежных компаний ушли с российского рынка. И положительные изменения оказались нивелированы новыми негативными тенденциями.

— Были крупные лесозаготовители из Японии. Тот же «Тернейлес», который работал в основном в северо-восточной таежной зоне Приморского края. Они занимались заготовкой хвойных пород: елки, лиственницы, пихты, и перерабатывали их в шпон. Была компания «Лесэкспорт», которая, как ни странно, ориентировалась на внутренний рынок и производила трехслойный паркет. Эти компании были куплены китайскими

структурами и перестали заниматься глубокой переработкой древесины, стали делать какие-то простенькие полуфабрикаты для вывоза в Китай. Наши власти очень любят бравировать приходом китайских инвесторов.

Но что такое китайские инвесторы на деле: приходит какой-то дядя, покупает российскую компанию с арендованными лесными участками и всю прибыль от ее работы вывозит в Китай. Более 90% древесины тоже идет в Китай.

Что получают местные жители, кроме уничтоженного леса, совершенно неясно, — говорит собеседник «Новой».

После леса

Медвежий — глухой таежный поселок в 180 км от Хабаровска. Сегодня здесь живет 14 человек. Ни магазина, ни почты — ничего здесь нет. Лишь ветшающие дома, почти все пустые. Единственный работающий объект — это мазутная электростанция, которая напоминает, что когда-то поселок был важным центром лесозаготовки и сюда приезжали люди из Украины, Узбекистана и Беларуси, были планы по его развитию.

Поселок Медвежий. Скриншот из видео Александры Сорочинской

А потом лес внезапно закончился. Теперь Медвежий — миниатюра будущего для той части Дальнего Востока, которая сегодня живет за счет рубок.

Иван Иванович Василишин — один из последних местных жителей. Ему 83 года, он приехал сюда в 1950-е и работал на рубках: был сучкорубом, вальщиком, шофером, мастером лесозаготовок.

— Поселок был создан в конце 40-х годов для лесных работ, — рассказывает он. — Поначалу срубленные деревья сплавляли по реке Подхоренок, а в 1960-е в Медвежий протянули железную дорогу, мы стали отправлять лес вагонами. В первую очередь рубили хвойник: кедр, ель, пихту, лиственницу. Особенно когда был только сплав: хвойные деревья не тонут в реке. Но когда появилась ж/д, стали брать уже все: и ясень, и дуб — все твердолиственные породы. Ну а со временем и менее ценные, такие как осина.

Василишин говорит, что жители поселка и не думали, что лес может кончиться, ведь его было так много вокруг...

И чиновники, и руководство леспромхоза тоже не затрагивали эту тему.

— И мыслей не было, что все может закончиться, — уверенно говорит он. — Хотя со временем все дальше мы уходили в лес. Сначала за 6 км от поселка, потом за 10. Потом уже целый день тратили на дорогу. А в 90-х леспромхоз закрылся — как раз по причине истощения сырьевой базы. Вот тогда народ остался не у дел. Кто мог, стал уезжать, но никакого общего переселения нам не предлагали. Только последние годы администрация района говорит: выбирайте заброшенные дома в других поселках и селитесь. Но что-то я не знаю, чтобы кто-то таким образом уехал, — хороший дом никто не бросит, а в развалины переезжать желающих нет.

Иван Иванович Василишин. Скриншот из видео Александры Сорочинской

С 90-х годов в Медвежьем постепенно закрылись школа, дом культуры, библиотека, почта и магазин. А потом сюда перестал ходить и рейсовый автобус из райцентра Вяземского.

Зато в поселок начали ходить тигры.

— Никаких других животных мы тут не видим, кроме тигров. Каждый год они приходят за собаками. В прошлом году у родственников моих тигр собаку задавил. Хотел в лес ее утащить, но цепь оказалась крепкой — не смог сорвать. Так что, думаете, он сделал?

Прямо тут — в пяти метрах от дома — ее и начал разделывать: голову отгрыз и оставил на цепи, а туловище с собой забрал и в 300 метрах от дома съел.

Очень часто они за собаками приходят, — вздыхает Василишин. — Если бы лес был, тигр бы там на изюбрей или диких коз охотился. Но ведь все вырублено...

«Из 51 населенного пункта тигры выходили в 48»

30 лет назад охотовед Александр Баталов создал в Хабаровском крае лесоохотничье хозяйство «Дурминское». Оно занимает 19,5 тыс. га. Баталов подчеркивает, что сегодня это единственное в регионе место, где занимаются не только охотой на диких животных, но и сохранением среды их обитания.

Остатки уссурийской тайги близ поселка Медвежий. Фото: Александра Сорочинская

— Мне всегда было понятно, что без среды обитания невозможно содержать зверей. Очень хотелось показать другим, как грамотно организовывать хозяйствование в лесах: и вести рациональную добычу охотничьих ресурсов, и сохранять хищников, в первую очередь — тигров, потому что 80% из них живут в охотугодьях и их спасение как вида во многом зависит от того, как лесными ресурсами распоряжается человек. Поэтому в «Дурминском» мы соединили охотничье, лесное и заповедное хозяйства. У нас никогда не было промышленных рубок, мы следили и следим за численностью животных и строго квотируем охоту. Благодаря этому многое получилось, — рассказывает он. —

Плотность животных у нас на порядок выше, чем на прилегающих территориях. И тигры у нас постоянно живут, потому что у них хорошая кормовая база: за 10 лет родилось 32 тигренок.

Баталов говорит, что ему больно смотреть, как гибнет уссурийская тайга. Он подчеркивает ее уникальность.

— Ведь это единственные леса, где одновременно живут тигр, гималайский медведь, тут же рысь и бурый медведь. В одном месте соболь и харза. Здесь произошло смешение флоры и фауны юга и севера. Но, к сожалению, эта уникальная тайга попала под топор нашего бездумного хозяйствования. В Советском Союзе ее тоже рубили, но дуб, например, долго не трогали, потому что это кормящее дерево. А сегодня уже забирают все. И лесорубы, когда с ними разговариваешь, прямо заявляют: «У нас разные цели: вам нужно сохранять животных, а нам нужна ценная древесина». Хотя и они уже видят, что такого размаха, который был 10 лет назад, не получается — уже вырубаются остатки.

Александр Баталов. Скриншот из видео Александры Сорочинской

Слова Баталова подтверждаются и официальными данными. В феврале 2023 года полпред президента в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) Юрий Трутнев [заявил](#), что объемы заготовок древесины в регионе снижаются. В июле прошлого

года замминистра по развитию Дальнего Востока и Арктики Анатолий Бобраков [оценил](#) и объемы снижения: «Оперативные показатели за пять месяцев этого года показывают <...> некое падение заготовки и производства продукции. Так, заготовка древесины сократилась примерно на 18%», — сказал он. При этом чиновники уверены, что потенциал для рубок на Дальнем Востоке есть. Так, [по словам](#) Трутнева, в ДФО якобы расположено 50% российских лесов и 31% всех запасов древесины страны. На основании чего заявлена такая цифра — неизвестно. В 2010 году Дальневосточный НИИ лесного хозяйства [приводил](#) другие данные.

По сведениям ученых, на территории федерального округа уже 14 лет назад и лесов, и древесины было меньше: 44,6% лесного фонда и 27,4% запасов древесины страны. И все свидетельствует о том, что эти запасы должны были только истощаться.

Ответ можно найти в [докладе](#) Счетной палаты РФ, аудиторы которой установили, что российские власти из-за устаревших данных лесоустройства достоверно не знают, каково состояние у 84% лесов страны. «Сведения о лесах на территории 967 млн га неактуальны», — говорится в отчете СП.

Из-за незнания чиновниками реального состояния лесов — если допустить, что это незнание, — сейчас на Дальнем Востоке страдают и жители сел, и тигры.

— Проблема выхода хищников к людям остро встала в 2021 году, в 2022-м усугубилась, а в 2023-м стала просто критической, — говорит Баталов. — В районе имени Лазо из 51 населенного пункта тигры выходили в 48. В этом году мы уже видим ту же

картину. Потому что тайга разрушена, уже можно говорить, что она у нас **была**. И я думаю, что собакам нужно памятники ставить — они первые принимают на себя удар. Если бы не они, тигры пришли бы за нами. Мы ведь тоже вкусно пахнем...

— Все последние десятилетия ученые говорили, что главная угроза для нашего тигра — это разрушение его местообитаний. Массовое исчезновение самых разных видов животных на всей Земле зачастую связано именно с разрушением мест, где они живут. Мы подошли к тому же с нашим тигром. Даже кедровники, которые сегодня рубить нельзя, ранее были пройдены рубками на 90%. Но сегодня мнение представителей научного сообщества де-факто не учитывается. Рубки ведутся даже в самых важных для сохранения тигра местах, например, в Бирском и Матайском заказниках. Даже на особо охраняемых природных территориях, — подчеркивает зоолог Сергей Колчин. — И тот факт, что тигры массово идут к людям, совсем не свидетельствует о том, что тигров стало много. В Прибалхашье в середине прошлого века ровно такая же история происходила с туранским тигром: на фоне освоения человеком мест их обитания они тоже выходили в населенные пункты. А потом просто исчезли — навсегда.

Часть II.

Официальный взгляд

Начальник управления охотничьего хозяйства Хабаровского края Юрий Колпак от разговора с журналистом отказался: услышав, что разговор пойдет о тиграх, заявил, что у него нет времени, и бросил трубку.

В ФГБУ «Заповедное Приамурье», в том числе отвечающем за тигров Большехехцирского заповедника, откуда хищники идут в Черняево, Киинск и другие села, заявили, что говорить о массовых выходах хищников к людям «все-таки не стоит».

Дмитрий Гранкин. Скриншот из видео Александры Сорочинской

— Тигры выходили всегда. В какие-то годы больше, в какие-то меньше. Все это связано с природными причинами, — заверил заместитель директора «Заповедного Приамурья» Дмитрий Гранкин. — Происходящее в наши дни в первую очередь связано с массовой гибелью кабана из-за африканской чумы свиней, а во вторую — с ослаблением пресса охоты. Вы же наверняка видели, что и лисиц, и медведей, и многих других животных все чаще рядом с селами замечают. Звери стали меньше бояться человека.

По словам Гранкина, во многом вина в происходящем лежит на бродячих собаках, которые «ходят вокруг всех городов и всех сел».

— Они чипированы, на ушах у них бирки висят, но они не перестают представлять угрозу. Недавно мы были свидетелями того, что у нас человека чуть не разорвали чипированные собаки, — говорит он, но, понимая, что отвлекся от темы, возвращается к ней. —

Собаки выгоняют из лесов, в частности из нашего заповедника, косуль, изюбрей. В этом году мы уже два раза фиксировали такие случаи.

Они становятся предметом интереса для тигров: он начинает этих собак преследовать и выходит к населенным пунктам. И это, на мой взгляд, первопричина проблемы — тигр идет в села за бродячими собаками.

При этом он подчеркивает, что в селах вокруг Большехехцирского заповедника за минувший год специалистами «Заповедного Приамурья» была зафиксирована всего одна конфликтная ситуация с тигром.

Собаки в Медвежьем. Скриншот из видео Александры Сорочинской

— Но ведь только в Черняево пять собак утащили за эту зиму,
— удивляюсь я.

— К нам не поступало официальной информации. Я думаю, что просто собаки у селян содержатся без привязи и куда-то убегают, а люди обязательно думают, что это тигр их утащил. У нас уже была в позапрошлом году ситуация в Бычихе, когда все село на ушах стояло: якобы тигры ходили у автобусной остановки. А мы выяснили, что это лошади ходили.

На вопрос о роли рубок в выходах тигров к людям замдиректора «Заповедного Приамурья» отвечает пространно: говорит, что рубки, конечно, могут существенно изменять экосистемы, но в зоне кедрово-широколиственной тайги, заверяет он, лесовосстановление происходит интенсивно.

Дмитрий Гранкин считает, что совсем избежать столкновений людей с тиграми невозможно — какие меры ни принимай. И предлагает для безопасности и человека, и хищника:

- «решить вопрос» с бродячими собаками;
- не строить дома вплотную к лесам;
- огородить населенные пункты электрическими изгородями, через которые тигр не сможет пройти.

Часть III.

Решение, которое запрещено

Лесная промышленность России сегодня развивается по экстенсивной модели — она предусматривает добычу лучшего из имеющегося. Биолог Алексей Ярошенко называет эту модель бесхозяйственной и сравнивает ее с выковыриванием изюма из булок вместо производства изюма.

Он говорит, что большинство государств, играющих ключевые роли на мировом рынке древесины, используют другую модель — плантационное лесоводство. Попросту они не рубят свои естественные леса, а занимаются выращиванием деревьев

специально для рубок.

Бирский заказник. Скриншот из видео Александры Сорочинской

— Это растущий и значимый сегмент мировой экономики. И больше всего в плантационное лесоводство сегодня вкладывается, как ни странно, Китай. Он, конечно, не против за копейки покупать российскую древесину, но на своей территории он заготавливает древесины больше, чем покупает у нас, — рассказывает Ярошенко. — При меньшей площади лесов, чем в России — 220 млн гектаров против 815 млн гектаров, — Китай занимает третье место по объемам лесозаготовок, а Россия — лишь пятое. Но Китай не проводит рубок в старовозрастных лесах. Он рубит деревья на плантациях. Плантационное лесоводство очень развито в Бразилии, Аргентине, Новой Зеландии и США. Это дело выгодное. Оборот лесных плантаций на самом деле довольно короткий — от 10–12 лет в тропиках до 30 лет в условиях нашей средней полосы. Поэтому вложения в лесовыращивание, если их сделать сейчас, дадут эффект достаточно скоро. Другое дело, что в нашей стране не все готовы ждать 30 лет.

Есть и юридический аспект. Алексей Ярошенко подчеркивает, что в России плантационное лесоводство де-факто запрещено законом.

— Дело в том, что выращивание лесов по сути своей близко к сельскому хозяйству. В мире лесные плантации разбивают в основном на сельхозземлях, потому что для них необходимы высокопродуктивные почвы и благоприятный климат. Но в нашей стране существует постановление правительства № 1043, которое запрещает выращивание лесных плантаций на сельхозземлях, — объясняет эксперт. —

В том же Приморском крае 0,5 млн га земли — преимущественно сельхозназначения — заброшены, на них ничего не растет. Но выращивать лес на них нельзя.

Хотя если этим заняться, то там можно выращивать древесины больше, чем дают сегодня все остальные леса Приморского края: 9–10 кубометров с гектара получать можно. То есть мы можем получать 5 млн кубометров древесины в год с заброшенных земель, но запрещаем это. Хотя сейчас на территории всего края заготавливается 4 млн кубометров древесины.

На землях лесного фонда, подчеркивает Ярошенко, плантационное лесоводство не запрещено, но регулировано так, что за него просто никто не берется.

— Во-первых, ни у кого нет уверенности, что по прошествии 30 лет ты эти плантации вместе с дорогами и всей инфраструктурой, которую построишь, попросту не «подаришь» какому-нибудь дяде. Во-вторых, в России довольно слабая

система тушения и предотвращения лесных пожаров, то есть твои посадки могут запросто сгореть. Но даже если никто на твои плантации не положит глаз и они не сгорят, нужно пройти серьезные бюрократические круги: надо составлять проект освоения лесов, проводить государственную экспертизу этого проекта. А в лесовыращивании нужна определенная свобода действий, нужна гибкость в том, как и что сажать, как ухаживать. Далее: чтобы даже в таких благоприятных условиях, как в Приморье, что-то вырастить, потребуется лет двадцать. Но Лесной кодекс у нас переписывается в среднем четыре раза за год, а еще два раза в год вносятся поправки в закон «О введении в действие Лесного кодекса». И поправки эти иногда очень серьезные, в том числе касающиеся, например, контроля за оборотом древесины. Вполне может так случиться, что через 20 лет, когда придет время рубить вашу плантацию, вам это просто будет невыгодно. Все эти запреты и ограничения не дают развиваться нормальному плантационному лесовыращиванию в нашей стране.

При этом Ярошенко замечает, что

экстенсивная модель, господствующая в России, едва ли имеет перспективы. По сути, это путь в никуда.

— Судя по тому, как плантационное лесовыращивание развивается в других странах, через 50–70 лет оно займет весь рынок древесины, а экстенсивная модель отомрет, как в свое время отмерло собирательство, уступив место сельскому хозяйству, — говорит он. — Дело еще и в том, что чем шире распространяется плантационное лесоводство, тем дешевле становится производимая им продукция. У экстенсивной модели все наоборот: сначала у нас было много хороших

деревьев и мы их легко добывали, но со временем делать это становится все сложнее и дороже. В итоге наша древесина станет просто слишком дорогой по сравнению с той, которую вырастили искусственно. И она станет неконкурентоспособной по цене, — заключает эксперт.

Послесловие.

Страна на бумаге

В 2010 году Владимир Путин назвал сохранение краснокнижного амурского тигра одной из приоритетных задач государства. В том же году был проведен «Тигриный саммит», на котором представители 14 государств, на территории которых обитают тигры, договорились увеличить их численность на своей территории к 2022 году в два раза. В России на это **выделили** \$54 млн.

Скриншот из видео Александры Сорочинской

Для администрирования государственной программы по спасению тигра в 2013 году был создан центр «Амурский тигр».

В его задачи, согласно информации на официальном сайте, вошло изучение хищника, сохранение и увеличение его популяции, а также установление гармоничных отношений между тигром и жителями регионов, в которых он обитает. В наблюдательном совете центра, определяющем его стратегию, правда, почему-то оказались не зоологи, а государственные лица: министр юстиции Константин Чуйченко, заместитель руководителя ЦИК партии «Единая Россия» Дмитрий Некрасов, начальник управления президента РФ по общественным связям и коммуникациям Александр Смирнов и другие.

Со своей задачей, если верить отчетам, «Амурский тигр» справился. В 2022 году менеджеры центра доложили президенту, что добились увеличения популяции тигра практически в полтора раза — с 500 до 750 особей. Однако ученые [подвергли эти данные сомнению](#), указав на значительные методические издержки проведенной работы и широкие возможности для интерпретации первичных данных в любую желаемую сторону. Они также отмечали, что тигриные менеджеры называли журналистам предварительное количество особей еще до начала проведения учета.

Все это, однако, не помешало Владимиру Путину выступить в сентябре 2022 года на Международном форуме по сохранению тигра во Владивостоке с жизнеутверждающей речью:

«12 лет назад в нашей дальневосточной тайге проживало не более 390 взрослых амурских тигров. Сейчас их вместе с котятами порядка 750. Это результат системных мер, реализованных на государственном уровне. <...> Очень хотелось бы, чтобы все подвиды тигриной семьи имели такие условия, как наш амурский красавец».

В это время рубки в заказнике «Бирский» — одной из самых тигриных особо охраняемых природных территорий — шли уже больше двадцати лет, а жители хабаровских сел уже

жаловались на участившиеся выходы хищников.

«Амурский тигр» и сегодня публикует красивые фотографии хищников, рассказывая, как они гуляют по лесам. И лишь изредка сообщает об их отловах в населенных пунктах. О том, что тигры приходят в дальневосточные села каждый день, в центре не говорят.

На бумаге ситуация с тиграми в России прекрасная: их много, им есть где жить и есть чем питаться.

Ведь не скажешь по телевизору и не положишь в отчет информацию о том, что при выделенных \$54 млн:

- реальное количество хищников неизвестно;
- леса, где они должны жить, вырублены;
- а питаются они домашними собаками.